

НА КАКОМ ЯЗЫКЕ ЗАГОВОРИТ МИР XXI ВЕКА?

Василий Щипков

Эпоха постмодерна заканчивается

Глобальные изменения в жизни людей, смена технологических укладов, войны, революции, кардинальная смена власти в ведущих странах всегда находили отражение в языке, если его понимать в широком смысле как способ мыслить и действовать. Ещё недавно доминировал язык, сложившийся во второй половине XIX – начале XX века. Это, если говорить сжато, смесь рационализма и авангарда, язык Ницше, язык модерна и его постмодернистских вариаций.

Особенности языка прошлого столетия берут начало ещё в литературе века XIX. В произведениях Герцена, Достоевского, Лескова, Тургенева, Гончарова, в публицистике, философских работах уже употреблялись ставшие вскоре ходовыми слова и термины – «социализм», «коммунизм», «демократия», «либерализм», «права», «нация», «прогресс», «империализм». Это были сильные термины, они магически воздействовали на людей, обладали энергией, которая захватывала, отражала идеологию и дух революционной эпохи. Сила нового языка меняла многие понятия, ложась в основу политической и идеологической архитектоники XX века. Наконец, после 1917 года под натиском модернистского духа русский язык стал стремительно меняться. Можно вспомнить советский новояз или попытку заменить дни недели революционным пятидневным календарём – без субботы и воскресенья.

Ныне мир рывками вступает в XXI век, что отражается и на политическом языке. Русские перешли в новое столетие в 2014 году после воссоединения с Крымом, англичане – 23 июня 2016 после решения выйти из

ЕС (Brexit), американцы – 9 ноября 2016, когда выбрали президентом Трампа, европейские государства в процессе перехода.

Нарастающие конфликты – результат попыток истеблишмента ряда государств говорить на языке XX века и сохранять статус-кво устаревшей парадигмы в ущерб международной безопасности. Часть мировых элит уклоняется от ответственности за судьбу нового столетия. Нет ясной и приемлемой модели будущего, как и понятных всем слов для её описания. Отсюда рост мировой турбулентности, расширение зон мирового хаоса.

Так на каком же языке будет разговаривать XXI век и какие ценностные категории будут востребованы?

Этот язык можно назвать постсекулярным. Если в XX веке люди воевали за свободы, равноправие и гражданские права против империй и «недемократических режимов», то в XXI – за религиозные и духовно-нравственные ценности против режимов секулярных. Всё более востребованы религиозные традиции, а богословские понятия и ценности всё ощутимее становятся частью политики. Если прежде религия была периферийным дискурсом и вечной антитезой главенствующей секулярной культуры, то в XXI веке периферийными станут секуляризм и сциентизм (отстаивающий научное знание как наивысшую культурную ценность).

Язык XXI века уже можно представить как постсекулярный в том значении, что он приходит на смену секулярному языку, который в XX веке доминировал и вытеснил традиционную религиозность из светского пространства.

У постсекуляризма ряд источников. Один из них – неоязычество, оно вдохновляет неонацизм и возрождает праворадикальные и регионалистские политические идеи. Энергия этого языка способна не только воодушевлять футбольных фанатов, но и устраивать цветные революции. Неоязыческий символизм берут на вооружение многие современные правые политические партии и движения регионалистов. Если первые стремятся к усилению национальной независимости от глобалистских структур управления, то регионалисты рвутся к независимости от самих национальных государств, опираясь на региональную мифологию. С её помощью они конструируют и сакрализуют новые региональные идентичности.

Второй источник нового языка – в исламских традициях. В последние годы международный терроризм пытается присвоить этот язык себе. И надо признать, что как бы риторика запрещённого в России ИГИЛ ни резала наш слух, её притягательная для некоторых людей энергетика объяснима. ИГИЛ открыто говорит с постхристианским обществом на шокирующем языке агрессивной религии, борясь за собственные идеалы красоты,

справедливости, добра и зла. Западной секулярной цивилизации подчас нечего противопоставить этому. Люди попадают под влияние идеологов ИГИЛ, потому что те дают свою целостную, религиозную картину мира. Вот некоторые названия номеров игиловского англоязычного интернет-журнала «Дабик», используемого для вербовки: «Потоп», «Провалившийся крестовый поход», «Закон Аллаха или законы людей», «Разбить крест». А такие выражения, как «кровь праведников», «джихад благочестивых», «борьба с армией крестоносцев», «апостасия» (отступничество от Бога) звучат там убедительней, чем творчество известного французского журнала карикатур, Особенно для молодых людей, не имеющих жизненных перспектив или разочарованных в окружающем постмодернистском мире. Однако терминологии и идеям ИГИЛ может быть противопоставлена только религиозная терминология. Поэтому можно предвидеть, что в борьбе с языком террористов укрепится язык мирного ислама, который рано или поздно выдвинет свой проект по реформированию западной культуры.

Одновременно с этим в постхристианских странах намечается процесс христианского возрождения – третий источник нового языка.

Как и сто лет назад, Россия первой заговорила на нём. Помимо массы англоязычных слов, наводнивших нашу речь, неотъемлемой частью современного русского языка уже стали церковные, религиозные и богословские термины. Стали звучать названия православных праздников, церковных чинов, богослужебных предметов. Всё чаще слышен язык проповеди, в основе которого термины и цитаты из Писания и предания. Восстановленные храмы преображают язык социокультурного ландшафта наших городов, а обращение к судьбам новомучеников и исповедников восстанавливает духовную связь времён.

Однако изменения в языке связаны не только с возвращением каких-то дореволюционных терминов («духовенство», «пост», «прихожане», «паломничество»), но и с наполнением базовых культурных понятий новым, религиозным звучанием. В их числе – «семья», «вера», «любовь», «справедливость», «свобода», «милосердие», «самоограничение», «жертвенность», «единство» и другие. В официальных документах и публицистике их всё чаще определяют как традиционные ценности, которые обладают непреходящим, надысторическим характером. Эти ценности становятся и полем сражения, и политическим ресурсом.

Поиск религиозных оснований культуры становится востребованным с закатом секулярной эпохи, когда утилитарная этика, то есть светская, рациональная и относительная, уступает место этике трансцендентной – абсолютной, религиозной.

Скандалы, вызванные законом о запрете пропаганды идей ЛГБТ среди несовершеннолетних, осуждением плясок в храме Христа Спасителя, спектакля «Тангейзер» или фильма «Матильда» – это не околоцерковные скандалы. Речь о конфликте между традиционным религиозным языком и секулярным языком либерального модерна.

Однако модерн как проект закончился. Его современные, постмодернистские формы утратили за вторую половину XX века следы христианских оснований. Если модерн – это христианство без Христа, то постмодерн – это модерн без христианства. Язык демократических ценностей перестал мотивировать людей. Существующие в нём ценностные понятия сначала перестали означать сами себя, затем стали означать нечто противоположное себе. При сохранении их словесной формы произошла деформация смыслов, разложенных провозглашённой относительностью морали. Слова из заповедей блаженства и проповедей Христа есть во всех европейских языках, однако они лишены абсолютного, религиозного содержания.

Таким образом, постсекулярный язык – это язык, основанный на ценностях религиозных культур, который снова будет способен воодушевлять. Огромное влияние на него окажет христианство, но не только и не столько через специальные богослужебные или богословские термины. Новый язык – это наполнение важных для общества понятий традиционным, христианским смыслом, восстановление современного социокультурного пространства, опустошённого модерном и его постмодернистскими практиками.